

превратившегося в ястреба», совершается не над просторами, известными и родными Горацию и Державину, а над долиной Коннектикута, долиной совсем ему ранее чуждой страны: «Эх, куда меня занесло!» (9-я строфа). Речь идет об осеннем, предзимнем полете над этой страной, в которой американская детвора радуется приходу зимы. Им не может быть понятен крик ястреба — его разрыв с земным пейзажем окончателен; полет ястреба совершается лишь в небе. Но это небо «без кислорода», и крик ястреба — не пение, а «нестерпимый звук, звук стали <...> не предназначенный ни для чьих ушей» и «кошмарнее ре-диеза алмаза, режущего стекло» (13, 14 и 15-я строфы).

Знаменательно и окончание стихотворения Державина, который первым в русской поэзии переосмыслил знаменитую оду Горация, говоря о бессмертии не только своей поэзии, но и своей души. В заключительной строфе, обращаясь к друзьям и супруге, он утверждает себя не только после смерти, но и наяву, при жизни:

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! хор Муз, не пой! —
Супруга! облекись терпеньем:
Над мнимым мертвецом не вой.